

Лев Николаевич Толстой

**Закон насилия и закон
любви**

Лев Николаевич Толстой
Закон насилия и закон любви
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6563649

Содержание

Лев Николаевич	4
Предисловие к электронному изданию	6
ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ	10
ПРЕДИСЛОВИЕ	10
I	13
II	17
III	22
IV	28
V	32
VI	37
VII	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лев Николаевич Толстой

Закон насилия и закон любви (1908 г.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:

[Государственный музей Л.Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 37-го тома
Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предостав-
ленной

[Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого
доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 37-му тому
Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого включены в на-
стоящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
info@tolstoy.ru*

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

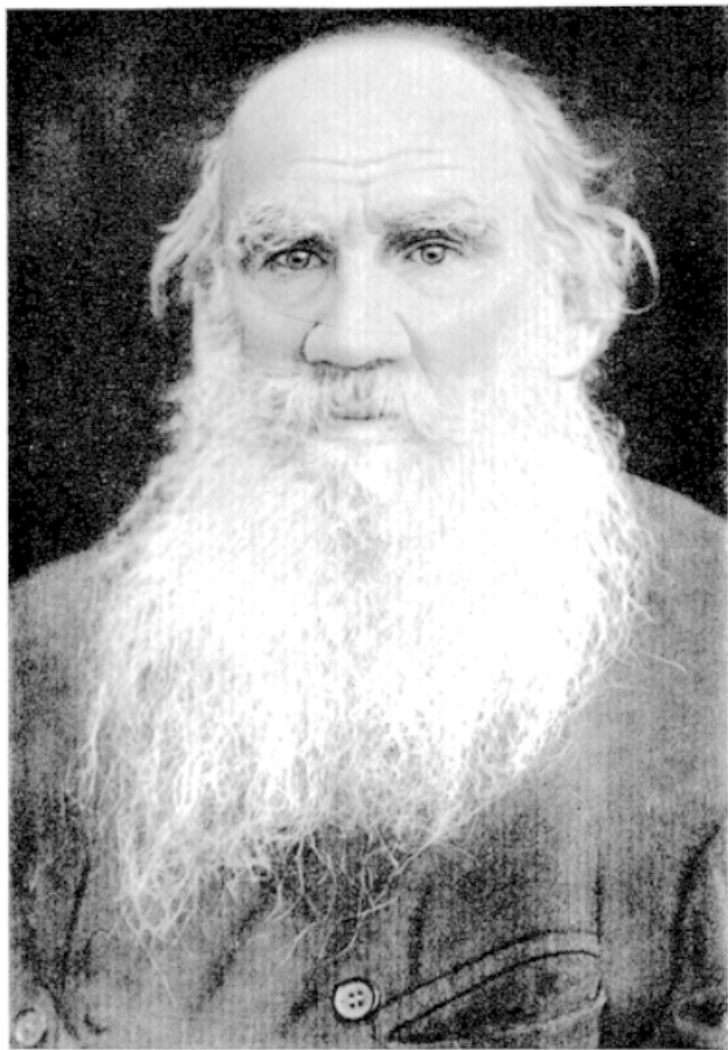
Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ

Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и тело и душу погубить.

Мф. X, 28.

Вследствие извращения христианства жизнь христианских народов стала хуже языческой.

Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с обличения религиозной лжи и установления религиозной истины в себе каждым отдельным человеком.

Страдания жизни неразумной приводят к сознанию необходимости разумной жизни.

Все бедствия и всего человечества и отдельных людей не бесполезны и ведут человечество, хотя и окольным путем, всё к той же одной деятельности, которая предназначена людям: совершенствованию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели

свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в боге соделаны.
Иоанн. III, 19—21.

Нет несчастья хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не обличила его.
Паскаль.

Слава добрых в их совести, а не в устах людей.

Пишу я то, что пишу, только потому, что, зная то одно, что может освободить людей христианского мира от тех страшных телесных страданий и, главное, от того духовного развращения, в которых они все дальше и дальше погрязают, я, стоя на краю гроба, не могу молчать.

В наше время не может не быть ясно для всех мыслящих людей то, что жизнь людей, – не одних русских людей, но всех народов христианского мира, с своей, всё увеличивающейся нуждой бедных и роскошью богатых, с своей борьбой всех против всех, революционеров против правительств, правительств против революционеров, порабощенных народностей против поработителей, борьбы государств между собою, запада с востоком, с своими всё растущими и поглощающими силы народа вооружениями, своей утон-

ченностью и развращенностью, – что жизнь такая не может продолжаться, что жизнь христианских народов, если она не изменится, неизбежно будет становиться всё бедственнее и бедственнее.

Это ясно многим, но, к сожалению, люди часто не видят причины этого бедственного положения и еще менее видят средство избавления. Причиною этого положения признаются многие, самые разнообразные условия и предлагаются самые разнообразные средства избавления. А между тем причина одна, одно и средство избавления.

Причина бедственного положения христианских народов – отсутствие среди христианских народов общего им всем высшего понимания смысла жизни, веры и вытекающего из него руководства поведения.

Средство избавления от этого бедственного положения, и средство не фантастическое, не искусственное, а самое естественное, состоит в усвоении людьми христианского мира открытого им 19 веков тому назад высшего, соответствующего теперешнему возрасту человечества понимания жизни и вытекающего из него руководства поведения, то есть *христианского учения в его истинном смысле*.

I

Одно из самых грубых суеверий есть суеверие научных людей о том, что человек может жить без веры.

Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками.

Если ты сознаешь, что у тебя нет веры, знай, что ты в самом опасном положении, в котором только может находиться человек в этом мире.

Люди могут жить и живут свойственной людям разумной и согласной жизнью только тогда, когда соединяются пониманием смысла жизни, то есть верой в одно и то же, одинаково удовлетворяющее большинство их понимание смысла жизни и вытекающее из этого понимания руководство в поступках. Когда же случается то, что и не может не случаться, так как объяснение смысла жизни и вытекающее из него руководство поведения никогда не бывает последним, а постоянно всё более и более уясняется, – когда случается то, что понимание смысла жизни, ставшее более точным и определенным, требует вытекающего из этого уяснения иного, чем прежде, руководства поведения, жизнь же народа или народов продолжает идти попрежнему, то жизнь таких народов бывает и разъединенной и бедственной. И разъеди-

ненность эта и бедственность не переставая увеличиваются по мере того, как люди, не усваивая свойственного времени религиозного понимания и вытекающего из него руководства поведения, продолжают жить по руководству, вытекающему из прежнего, отжитого уже понимания жизни, и, кроме того, чтобы усвоить свойственное времени религиозное понимание, стараются искусственно придумать такое понимание жизни, которое оправдывало бы их устройство жизни, не соответствующее уже духовным требованиям большинства людей.

Повторялось это много раз в истории, но никогда, я думаю, этот разлад между образом жизни людей, отставших от религиозного уяснения смысла жизни и вытекающего из него руководства поведения, не был так велик, каков он теперь среди христианских народов, не принявших открытого им христианского учения в *истинном его значении* и вытекающего из этого учения руководства поведения, а живущих и продолжающих жить прежней языческой жизнью.

Разлад этот в жизни христианских народов в особенности велик, я думаю, потому, что объяснение понимания жизни, внесенное христианством в сознание народов, слишком далеко опередило склад жизни народов, принявших его, а потому и вытекающее из него руководство поведения было слишком противоположно не только личным привычкам людей, но и всему складу жизни языческих народов, принявших христианское учение.

От этого-то и произошла та поразительная разъединенность, безнравственность, бедственность, неразумие жизни христианских народов.

Произошло это оттого, что люди христианского мира, приняв, под видом христианства, церковное учение, отличавшееся в своих основах от язычества только своей неискренностью и искусственностью, очень скоро перестали верить в это учение, не заменив его никаким другим. Так что люди христианского мира, всё больше и больше освобождаясь от веры в извращенное христианское учение, дошли, наконец, до того положения, в котором они находятся в настоящее время, что большинство их не имеет никакого объяснения смысла своей жизни, то есть никакой религии, веры и никакого общего руководства поведением. Большинство людей, рабочий народ, хотя по внешности и держится старой, церковной веры, уже не верит в нее, не руководствуется ею в жизни, а держится ее только по привычке, преданию и ради приличия. Меньшинство же, так называемые образованные классы, большей частью или уже сознательно не верят ни во что и только ради политических целей некоторые из них притворяются, что верят еще в церковное христианство, или же – самое малое меньшинство – искренно верят в учение, несовместимое с жизнью и отставшее от нее, и разными сложными софизмами стараются оправдать свою веру.

В этом главная и единственная причина переживаемого в наше время христианскими народами бедственного положе-

ния.

Бедственное положение это усиливается еще тем, что, так как это состояние неверия продолжается уже много времени, сделалось то, что среди людей христианского мира те из них, которым это положение безверия выгодно, все властвующие классы, либо самым бессовестным образом притворяются, что верят в то, чему не верят и не могут верить, либо, в особенности наиболее развращенные из них ученые, прямо проповедают, что для людей нашего времени совсем и не нужно ни какого бы то ни было объяснения смысла жизни – веры, ни какого бы то ни было вытекающего из веры руководства поступков, а что единственный основной закон жизни человеческой есть закон развития и борьбы за существование и что поэтому жизнь людей может и должна быть руководима только похотями и страстями людскими.

В этом-то бессознательном неверии народа и сознательном отрицании веры так называемых образованных людей христианского мира и заключается причина бедствий людей этого мира.

II

Человек обладает непреодолимым стремлением верить, что его не видят, когда он ничего не видит, – как дети, которые закрывают глаза, чтобы их не увидели.

Лихтенберг.

Люди нашего времени верят, что вся бессмысленность и жестокость нашей жизни с безумным богатством нескольких, с завистливой озлобленной нищетой большинства, с насилием, вооружениями и войнами, не видны никому и что ничто не мешает нам продолжать жить такую жизнь.

Заблуждение не перестает быть заблуждением от того, что большинство разделяет его.

Люди христианского мира, приняв под видом христианского учения составленное церковью извращение его, заменившее язычество и сначала отчасти удовлетворявшее людей своими новыми формами, перестали со временем верить и в это извращенное церковью христианство и дошли наконец до того, что остались без всякого религиозного понимания жизни и вытекающего из него руководства поведения. А так как без такого общего всем или по крайней мере общему большинству людей понимания смысла и вытекающего из него общего руководства поступков жизнь людей не может

не быть и неразумной, и бедственной, то чем дальше продолжалась такая жизнь людей христианского мира, тем она становилась всё более и более и неразумной и бедственной. И жизнь эта в наше время дотла до той степени неразумия и бедственности, при которой она не может уже продолжаться в прежних формах.

Большинство рабочего народа, лишённого земли и потому возможности пользоваться произведениями своего труда, ненавидит землевладельцев и капиталистов, держащих его в рабстве. Землевладельцы и капиталисты, зная отношение к себе рабочих, боятся и ненавидят их и с помощью организованного правительством насилия удерживают их в рабстве. И равномерно, не переставая ухудшается положение рабочих, увеличивается их зависимость от богатых, и так же равномерно, не переставая увеличивается богатство богатых, их власть над рабочим народом и их страх и ненависть. Так же равномерно увеличиваются и не могущие иметь конца вооружения народов против народов, затрачивающие всё большие и большие труды рабов-рабочих на сухопутные, водяные, подводные, воздушные сооружения, имеющие целью только приготовления к международным массовым убийствам. И убийства эти совершались, совершаются и не могут не совершаться, так как все христианские народы (не как люди, а как народы), соединённые в государства, ненавидят друг друга и другие, нехристианские государства и всякую минуту готовы наброситься друг на друга. Кроме того,

нет ни одного большого христианского государства, которое, по каким-то никому ненужным патриотическим преданиям, не держало бы, против их воли, в своей власти один или несколько небольших народов, принуждаемых к участию в жизни ненавидимого ими большого народа: Австрия, Пруссия, Англия, Россия, Франция с своими покоренными народами: Польшей, Ирландией, Индией, Финляндией, Кавказом, Алжиром и др. Так что, кроме всё растущей ненависти бедных против богатых, такой же ненависти больших народов друг против друга, еще всё разрастается и разрастается ненависть угнетенных народов против угнетающих. И что хуже всего – это то, что все ненависти эти, самые противные природе человека, как больших народов друг к другу, так и покоренных народов к покорителям и наоборот, не только не осуждаются, как всякое недоброе чувство людей к людям, а, напротив, восхваляются, возводятся в заслугу, в добродетель. Ненависть задавленных рабочих к богатым и властвующим восхваляется как любовь к свободе, к братству, равенству. Ненависть немцев к французам, англичан к янки и русских к японцам и т. п. и обратно считается добродетелью патриотизма. Так же и еще больше ценится патриотическая ненависть поляков к русским и пруссакам, и пруссаков и русских к полякам, финляндцам и обратно.

И это не всё. Все эти бедствия не показывали бы еще то, что жизнь христианских народов не может продолжаться в том же направлении. Бедствия эти могли бы быть случай-

ным, временным явлением, если бы среди этих народов было какое-нибудь общее им всем религиозное руководящее начало. Но этого-то и нет; нет ничего подобного общему руководящему религиозному началу среди народов христианского мира. Есть ложь религиозная, церковная, и не одна, а несколько различных, враждебных между собою: католическая, православная, лютеранская и др., есть ложь научная – и тоже много разных, враждебных друг другу. Есть лжи политические, международные, партийные, есть лжи искусства, лжи преданий и привычек; есть много самых разнообразных лжей, но руководства, нравственного руководства, вытекающего из религиозного мировоззрения, нет никакого. И люди христианского мира живут, как животные, руководствуясь в своей жизни одними личными интересами и борьбой друг с другом, тем только отличаясь от животных, что животные остаются с незапамятных времен с тем же желудком, когтями и клыками; люди же переходят и всё с большей и большей быстротой от грунтовых дорог к железным, от лошадей к пару, от устной проповеди и письма к книгопечатанию, к телеграфам, телефонам, от лодок с парусами к океанским пароходам, от холодного оружия к пороху, пушкам, маузерам, бомбам и аэропланам. И жизнь с телеграфами, телефонами, электричеством, бомбами и аэропланами, и с ненавистью всех против всех, руководимая не каким-либо соединяющим людей духовным началом, а, напротив, разъединяющими всех животными инстинктами, пользующимися для

своего удовлетворения умственными силами, становится всё
безумнее и безумнее, всё бедственнее и бедственнее.

III

Те, которые думают, что нельзя руководить людьми иначе, как насилем, пренебрегая их разумом, делают с людьми то же, что делают с лошадьми, ослепляя их, чтобы они смиреннее ходили по кругу.

Для чего же разум людей, если на них можно воздействовать только насилем.

Право сильного не есть право, но простой факт, который может быть правом, только покуда не встречает протеста и сопротивления. Это как бы холод, тьма, тяжесть, которые должны быть переносимы до тех пор, покуда не найдешь отопления, освещения, рычага. Вся человеческая промышленность есть освобождение из-под власти грубой природы; прогресс же справедливости есть не что иное, как ряд ограничений, которым подвергалась тирания сильного. Как медицина состоит в победе над болезнью, так благо состоит в победе над слепым зверством и необузданными вожделениями человека-зверя. Таким образом, я вижу всегда один и тот же закон, возрастающее освобождение личности, восхождение всего существа в жизни к благу, к справедливости, к мудрости. Алчная жадность есть точка отправления; разумное великодушие есть точка достижения.

Амиель.

Из того, что возможно насилем подчинить людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинить людей насилтю.

Паскаль.

Насилие производит только подобие справедливости, но удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия.

Большинство людей христианского мира чувствует всё увеличивающуюся и увеличивающуюся бедственность своего положения и употребляет для избавления себя то средство, которое по своему мирозерцанию оно одно считает действительным. Средство это – насилие одних людей над другими. Одни люди считающие для себя выгодным существующий порядок, насилем государственной деятельности стараются удержать этот порядок, другие тем же насилем революционной деятельности стараются разрушить существующее устройство и установить на место его другое, лучшее.

Революций и подавлений их в христианском мире было много. Внешние формы изменялись, но сущность государственного устройства: власть немногих над многими, развращенность, ложь и страх перед угнетаемыми властвующими классами, задавленность, порабощение, одурение и озлобленность народных масс если и изменялись по форме, то по существу не только не уменьшались, но заметно увеличи-

вались и увеличиваются. То, что совершается теперь в России, особенно ясно выставляет всю не только бесцельность, но очевидную зловередность употребления насилия как средства соединения людей.

В каждой газете последнего времени всё реже и реже известия о том, где и как ограблена касса, где убиты жандарм, офицер, городовые, где обнаружено покушение, и в каждой газете всё чаще и чаще известия о казнях и смертных приговорах.

Застреливают и вешают не переставая уже год и два, и задавлены и застрелены тысячи. Побито и разорвано революционными бомбами тоже тысячи; но так как в последнее время убиваемых властвующими всё больше и больше, убиваемых же революционерами всё меньше и меньше, то правящие классы торжествуют, и им кажется, что они победили и что они теперь будут продолжать свою обычную жизнь, насилием поддерживая обман и обманом поддерживая насилие.

Сущность заблуждения всех возможных политических учений, как самых консервативных, так и самых передовых, приведшего людей к их бедственному положению, в том, что люди этого мира считали и считают возможным посредством насилия соединить людей так, чтобы они все, не противясь, подчинялись одному и тому же устройству жизни и вытекающему из него руководству в поведении. Понятно, что люди могут, подчиняясь страсти, заставлять посредством насилия несогласных с ними людей исполнять свою волю. Можно си-

люю вытолкать человека или втащить его туда, куда он не хочет идти. (Как животные, так и люди всегда и поступают так под влиянием страсти.) И это понятно, но совершенно непонятно рассуждение о том, что насилие может быть средством побуждения людей к совершению желательных нам поступков.

Всякое насилие состоит в том, что одни люди под угрозой страданий или смерти заставляют других людей делать то, чего не хотят насилуемые. И потому насилуемые делают то, чего они не хотят, только до тех пор, пока они слабее насилующих и не могут избавиться от того, что им угрожает за неисполнение требуемого. Как только они сильнее, то они естественно не только перестают делать то, чего не хотят, но, раздраженные борьбой с насилувавшими и всем перенесенным от них, сначала освобождаются от насилующих, а потом заставляют в свою очередь несогласных с ними делать то, что они считают для себя хорошим и нужным. И потому казалось бы ясно, что борьба насилующих с насилуемыми никак не может соединить людей, а, напротив, чем дальше продолжается, тем больше разъединяет их. Казалось бы, это так ясно, что не стоило бы говорить про это, если бы с давнего времени обман о том, что насилие одних людей над другими может быть полезно людям и соединять их, не был бы так распространен и принят молчаливым согласием, как самая несомненная истина, не только теми, кому выгодно насилие, но и большинством тех самых людей, которые более всего

страдали и страдают от насилия. Обман этот существует давно, и до христианства и после него, и оставался и остается еще во всей силе и теперь во всем христианском мире.

Разница между тем, что было в старину, до появления христианства, и тем, что есть теперь в христианском мире, только в том, что неосновательность предположения о том, что насилие одних людей над другими может быть полезно людям и соединять их, в старину была совершенно скрыта от людей, теперь же, выраженная особенно ясно в учении Христа истина о том, что насилие одних людей над другими не может соединять, а может только разъединять людей, всё более и более уясняется. А как только люди понимают, что насилие одних людей над другими, кроме того, что мучительно для них, еще и не разумно, как тотчас же люди, прежде спокойно переносившие насилие, возмущаются и озлобляются против него.

Это самое происходит теперь во всех народах среди насилуемых.

Но мало того, что истину эту всё более и более сознают насилуемые, ее сознают в наше время и насилующие. У самих насилующих в наше время уже нет уверенности в том, что, насилуя людей, они поступают хорошо и справедливо. Заблуждение это разрушается как для правителей, так и для борющихся с ними. Увлеченные своим положением, как те, так и другие – хотя и стараются всякого рода убеждениями, большей частью лживыми, убедить себя, что насилие полез-

но и необходимо, – в глубине души уже знают, что, делая свои жестокие дела, они достигают только подобия того, чего желают, и то только временно, в сущности же отдаляющего, а не приближающего их к цели.

Вот это-то сознание, всё яснее и яснее усваиваемое людьми христианского мира, и приводит их неизбежно к тому выходу, который один может вывести их из их бедственного настоящего положения. Выход этот в одном: в принятии человечеством скрытого от людей учения Христа в его истинном значении, неизвестного еще большинству людей и вытекающего из него руководства поведения, исключаящего насилие.

IV

Когда среди 100 человек один властвует над 99, это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвует над 90, – это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвует над 49 (и то только в воображении – в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) – тогда это совершенно справедливо, – это свобода!

Может ли быть что-нибудь смешнее, по своей очевидной нелепости, такого рассуждения, а между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства.

Народы земли трепещут и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготовляющая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собою такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собою всё более и более важные заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться. Но перед явлением Христа мир ждал великих событий и, однако, не принял его, когда он пришел. Так и теперь мир может испытывать муки родов перед его новым пришествием и всё не понимать того, что происходит.

Люси Малори.

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может

и душу и тело погубить.

Матф. X, 28.

Государства христианского мира не только дошли, но перешли в наше время тот предел, до которого доходили перед своим распадением государства древнего мира. Это особенно ясно видно из того, что в наше время всякий шаг вперед в технических усовершенствованиях не только не содействует общему благу, но, напротив, всё с большей и большей очевидностью показывает, что все эти усовершенствования могут только увеличить бедствия людей, но никак не уменьшить их. Можно выдумать еще новые – подводные, подземные, воздушные, надвоздушные снаряды для быстрейшего перенесения людей с места в место и новые приспособления для распространения людских речей и мыслей, но так как переносимые из места в место люди ничего другого, кроме зла, не хотят, не умеют и не могут делать, то и распространяемые ими мысли и речи ни к чему иному, как только к злу, не могут побуждать людей. Те же, всё усовершенствующиеся и усовершенствующиеся средства истребления друг друга, которые делают всё более и более возможными убийства без подвержения себя опасности, только всё яснее и яснее показывают невозможность продолжения деятельности христианских народов в том направлении, в котором она теперь происходит.

Жизнь христианских народов теперь ужасна и в особенности по отсутствию какого бы то ни было нравственного

начала, соединяющего их, и по неразумности своей, сводящей человека, несмотря на все его умственные приобретения, в нравственном отношении на степень низшую, чем животные, и, главное, по той сложности установившейся лжи, которая всё более и более скрывает от людей всю бедственность и жестокость их жизни.

Ложь поддерживает жестокость жизни, жестокость жизни требует всё больше и больше лжи, и, как ком снега, неудержимо растет и то и другое.

Но всему бывает конец. И я думаю, что конец этого бедственного положения народов христианского мира наступил теперь.

Положение людей христианского мира ужасно, но вместе с тем оно – то самое, которое не могло не быть, которое должно было быть и которое неизбежно должно привести эти народы к избавлению. Страдания, испытываемые людьми христианского мира, вытекающие из отсутствия свойственного нашему времени религиозного мирозерцания, суть неизбежные условия роста и неизбежно должны окончиться принятием людьми свойственного их времени религиозного мирозерцания.

Свойственное же нашему времени мирозерцание есть то понимание смысла человеческой жизни и вытекающее из него руководство поведения, которое было открыто христианским учением в его истинном значении 1900 лет тому назад, но было скрыто от людей искусственным и лживым цер-

КОВНЫМ ИЗВРАЩЕНИЕМ.

V

С того часа, как первые члены соборов сказали: «изволися нам и святому духу», то есть вознесли внешний авторитет выше внутреннего, признали результат жалких человеческих рассуждений на соборах важнее и святее того единого истинно святого, что есть в человеке, – его разума и совести, – с того часа началась та ложь, ублаживающая тела и души людей, которая погубила миллионы человеческих существ и продолжает до сей поры свое ужасное дело.

В 1682 году в Англии доктор Лейтон, почтенный человек, написавший книгу против епископства, был судим и приговорен к следующим совершенным над ним наказаниям. Его жестоко высекли, потом отрезали ухо и распоролли одну сторону носа, потом горячим железом выжгли на щеке буквы S. S.: сеятель смут. После семи дней его опять высекли, несмотря на то, что рубцы на спине еще не зажили, и распоролли другую сторону носа и отрезали другое ухо и выжгли клеймо на другой щеке. Всё это было сделано во имя христианства.

Морисон Давидсон.

Христос не основывал никакой церкви, не устанавливал никакого государства, не дал никаких законов, никакого правительства, ни внешнего авторитета, но он старался написать закон бога в сердцах людей с тем, чтобы сделать их

Особенность положения христианских народов нашего времени в том, что народы эти основали свою жизнь на том учении, которое в своем истинном значении разрушает эту жизнь, и это скрытое прежде значение начинает уясняться. Христианские народы построили дом свой даже не на песке, а на тающем льду. И лед начинает таять и уже растаял, и дом валится.

Пока большинство людей, обманутое церковным учением, имея самое смутное понятие об истинном значении учения Христа, вместо прежних идолов, обоготворяло Христа-бога, его мать, угодников, поклонялось мощам, иконам, верило в чудеса, таинства, верило в искупление, в непогрешимость церковной иерархии, — языческое устройство мира могло держаться и удовлетворять людей. Люди одинаково верили и в то объяснение смысла жизни, которое давала им церковь, и в вытекающее из него руководство поведения, и вера эта сближала людей. И так это было, пока люди не видели того, что таилось за этой церковной верой, которую им выдавали за истинную. Но несчастье церковной веры состояло в том, что существовало евангелие, которое самими же церквями было признано священным. Как ни старались церковники скрыть от людей сущность этого учения, выраженного в евангелиях, — ни запрещения переводов евангелия на всем понятный язык, ни лжетолкование их — ничто не могло

затушить свет, прорывающийся сквозь церковные обманы и освещающий души людей, всё более и более ясно сознающих великую истину, которая была в этом учении.

Как только с распространением грамотности и печати люди стали узнавать евангелие и понимать то, что в нем написано, люди не могли уже, несмотря на все извороты церкви, не увидеть того бьющего в глаза противоречия, которое было между государственным устройством, поддерживаемым церковью, и учением евангелия. Евангелие прямо отрицало и церковь и государство с своими властями.

И противоречие это, становясь всё более и более очевидным, сделало наконец то, что люди перестали верить в церковную веру, а в большинстве своем продолжали, по преданию, ради приличия, отчасти и страха перед властью, держаться внешних форм церковной веры, одинаково, как католической, православной, так и протестантской, не признавая уже ее внутреннего религиозного значения.

Так это случилось с огромным большинством рабочего народа. (Я не говорю про те небольшие общины людей, прямо отрицавших церковное учение и устанавливающих свое более или менее близкое к христианскому, в его истинном значении, учение, не говорю потому, что число таких людей слишком ничтожно в сравнении с огромной массой людей, всё больше и больше освобождавшихся от всякого религиозного сознания.)

То же самое случилось и с нерабочими, учеными людьми

христианского мира. Люди эти еще яснее, чем простые люди, увидели всю несостоятельность и внутренние противоречия церковного учения и естественно откинули это учение, но вместе с тем не могли признать и истинное учение Христа, так как это учение было противно всему существующему строю и, главное, их исключительно выгодному положению в нем.

Так что в наше время в нашем христианском мире одни люди, огромное большинство людей, живут, внешним образом исполняя еще церковные обряды по привычке, для приличия, удобства, из страха перед властями или даже корыстных целей, но не верят и не могут верить в учение этой церкви, уже ясно видя ее внутреннее противоречие; другая же, всё увеличивающаяся часть населения уже не только не признает существующей религии, но признает, под влиянием того учения, которое называется «наукой», всякую религию остатком суеверия и не руководится в жизни ничем иным, кроме своих личных побуждений.

С людьми, принявшими религиозное учение, превосходящее их силы, – а таково было христианское учение для язычников, принявших его тогда, когда жизнь общественная в форме государственного насильнического устройства уже глубоко вкоренилась в нравы и привычки людей, – с людьми, принявшими христианское учение, случилось нечто, кажущееся сначала противоречивым, а вместе с тем такое, чего не могло не случиться. Именно то, что эти народы, вследствие

того, что приняли самую высокую для своего времени религию, лишились всякой религии и пали в своем религиозном и нравственном состоянии ниже людей, исповедующих гораздо более низкие или даже самые грубые религиозные учения.

VI

Церковное извращение христианства отдалило от нас осуществление царства божия, но истина христианства, как огонь в сухом дереве, прожгла свою оболочку и выбилась наружу. Значение христианства видно всем, и влияние его уже сильнее того обмана, который скрывает его.

Я вижу новую религию, основанную на доверии к человеку; призывающую к тем нетронутым глубинам, которые живут в нас; верующую в то, что он может любить добро без мысли о награде; в то, что божественное начало живет в человеке.
Сольтер.

То, что нам нужно, что нужно народу, то, чего требует наш век для того, чтобы найти выход из той грязи эгоизма, сомнения и отрицания, в которые он погружен, – это вера, в которой наши души могли бы перестать блуждать в отыскивании личных целей, могли бы все идти вместе, признавая одно происхождение, один закон, одну цель. Всякая сильная вера, которая возникает на развалинах старых, изжитых верований, изменяет существующий общественный порядок, так как каждая сильная вера неизбежно прилагается ко всякой отрасли человеческой деятельности.

Человечество повторяет в разных формулах и различных степенях слова молитвы господней : «Да

придет царство твое на земле, как и на небе».
Мадзини.

Нельзя ни взвесить, ни измерить того вреда, который производила и производит ложная вера.

Вера есть установление отношения человека к богу и миру и вытекающее из этого отношения определение своего назначения. Какова же должна быть жизнь человека, если это отношение и вытекающее из него определение назначения ложны?

Недостаточно откинуть ложную веру, то есть ложное отношение к миру. Нужно еще установить истинное.

Трагизм положения людей христианского мира в том, что, по неизбежному недоразумению, христианскими народами принято было, как свойственное им религиозное учение, такое учение, которое в своем истинном значении самым определенным образом отрицало, разрушало весь тот строй общественной жизни, которым жили уже эти народы и вне которого не могли себе представить жизни.

В этом и трагизм положения, в этом и великое, исключительное благо христианских народов.

В том извращенном виде, в котором христианское учение было предложено языческим народам, оно представлялось им только как некоторое смягчение грубости понимания божества, как более высокое понимание назначения человека и требований нравственности. Истинное же значение учения

до такой степени было скрыто от них сложными догматами и привлекательными внушительными обрядами, что оно и не подозревалось ими. А между тем учение это в его истинном значении было не только ясно выражено в тех, признаваемых церквами божественным откровением, книгах евангелия, которое было нераздельно с извращенным учением, но учение это было до такой степени свойственно, родственно душам человеческим, что, несмотря на всё загромождение и извращение учения ложными догматами, наиболее чуткие к истине люди всё чаще и чаще воспринимали учение в его истинном значении и всё яснее и яснее видели противоречие устройства мира с истинным христианским учением.

Не говоря уже об учителях церкви древнего мира: Татиане, Клименте, Оригене, Тертуллиане, Киприане, Лактанции и других, противоречие это сознавалось и в средние века, в новое же время выяснялось всё больше и больше и выражалось и в огромном количестве сект, отрицающих противное христианству государственное устройство с необходимым условием существования его – насилием, и в самых разнообразных гуманитарных учениях, даже не признающих себя христианскими, которые все, так же, как и особенно распространившиеся в последнее время учения социалистические, коммунистические, анархические, суть не что иное, как только односторонние проявления отрицающего насилия христианского сознания в его истинном значении.

В том, что народы христианского мира приняли в скры-

том, извращенном виде то учение, которое в своем настоящем значении неизбежно должно было разрушить тот строй жизни, в котором они живут и с которым не хотят расстаться, – в этом причина страданий христианских народов. Великое же благо их в том, что, приняв в извращенном виде христианство, включавшее в себя скрытую от них истину, они неизбежно приведены теперь к необходимости принятия христианского учения уже не в извращенном, а в том истинном смысле, в котором оно всё более и более выяснялось и вполне уже выяснилось теперь и которое одно может спасти людей от того бедственного положения, в котором они находятся.

VII

Главная причина дурного устройства жизни есть ложная вера.

Мы должны с глубоким вниманием относиться к нашим общественным делам; мы должны быть готовы изменять наши мнения, отказываться от старых взглядов, усваивать новые. Мы должны бросать предрассудки и рассуждать с совершенно свободным умом. Моряк, который будет ставить одни и те же паруса, невзирая на перемены в ветре, никогда не достигнет своей гавани.

Генри Джордж.

Стоит прямо и просто понять учение Христа, чтобы ясен был тот ужасный обман, в котором живем все мы и живет каждый из нас.

Христианское учение во всем его истинном значении, как оно всё более и более выясняется в наше время, состоит в том, что сущность жизни человеческой есть сознательное всё большее и большее проявление того начала всего, признак проявления которого в нас есть любовь, и что поэтому сущность жизни человеческой и высший закон, долженствующий руководить ею, есть любовь.

То, что любовь есть необходимое и благое условие жизни человеческой, было признаваемо всеми религиозными учениями древности. Во всех учениях: египетских мудре-

цов, браминов, стоиков, буддистов, таосистов и др., дружеское, жалость, милосердие, благотворительность и вообще любовь признавались одною из главных добродетелей. Это признание наиболее высокими из этих учений доходило даже до такой степени, при которой восхвалялась любовь ко всем и даже воздаяние добром за зло, как это проповедывалось в особенности таосистами и буддистами. Но ни одно из этих учений не поставило этой добродетели основой жизни, высшим законом, долженствующим быть не только главным, но единым руководством поступков людей, как это сделано позднейшим из всех религиозных учений – христианством. Во всех дохристианских учениях любовь признавалась как одна из добродетелей, но не тем, чем она признается в христианском учении: метафизически – основой всего, практически – высшим законом жизни человеческой, то есть таким, который ни в каком случае не допускает исключений. Христианское учение по отношению всех древних учений не есть новое и особенное учение; это есть только более ясное и определенное выражение той основы жизни человеческой, которая чувствовалась и неопределенно проповедывалась предшествовавшими религиозными учениями. Особенность христианского учения в этом отношении только в том, что оно, как позднейшее, более точно и определенно выразило сущность закона любви и неизбежно вытекающее из него руководство в поступках. Так что христианское учение о любви не есть, как в прежних учениях, только про-

поведь известной добродетели, но есть определение высшего закона жизни человеческой и неизбежно вытекающего из него руководства поведения. Учение Христа выясняет, почему этот закон есть высший закон жизни человеческой, и с другой стороны показывает тот ряд поступков, которые человек должен или не должен делать вследствие признания истинности этого учения. В особенности ясно и определенно выражено в христианском учении то, что исполнение этого закона, так как это есть высший закон, не может допускать, как это допускали прежние учения, никаких исключений, что любовь, определяемая этим законом, есть только тогда любовь, когда она не допускает никаких исключений и одинаково обращена как на иноземцев, разноверцев, так и врагов, ненавидящих и делающих нам зло.

В этом уяснении того, почему закон этот – высший закон жизни людей, и в точном определении неизбежно вытекающих из него поступков, в этом тот шаг вперед, который сделало христианское учение, и в этом главное его значение и благодетельность.

Объяснение, почему этот закон есть высший закон жизни, особенно ясно выражено в посланиях Иоанна:

«Возлюбленные, будем любить друг друга, потому что любовь от бога и всякий любящий рожден от бога и знает бога. Кто не любит, тот не познал бога, потому что бог есть любовь. Бога никто никогда не видел; если мы любим друг друга, то бог в нас пребывает. Бог есть любовь, и пребываю-

щий в любви пребывает в боге и бог в нем. Мы знаем, что мы перешли из смерти к жизни, потому что любим братьев, не любящий брата пребывает в смерти» (Первое послание Иоанна, IV, 7, 8, 12, 16; III, 14).

Учение всё в том, что то, что мы называем собою, нашей жизнью, есть ограниченное в нас нашим телом божественное начало, проявляющееся в нас любовью, и что потому истинная жизнь каждого человека, божественная, свободная, проявляется в любви.

Вытекающее же из такого понимания закона любви руководство в поступках, не допускающее никаких исключений, выражено во многих местах евангелий, и особенно точно, ясно и определено в четвертой заповеди Нагорной проповеди:

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб (Исход, 21, 14), а я говорю вам, не противься злему», сказано в 38 ст. V гл. Матфея. В стихах же 39 и 40, как бы предвидя те исключения, которые могут показаться нужными при приложении к жизни закона любви, ясно и определено говорится, что нет и не может быть таких условий, при которых возможно бы было отступление от самого простого и первого требования любви: неделания другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали.

Говорится: «но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду», то есть что совершенное над тобой насилие не может служить оправдани-

ем насилия с твоей стороны. Эта же недопустимость оправдания отступления от закона любви никакими поступками других людей еще яснее и точнее выражена в последней из заповедей, прямо указывающей на те обычные ложные толкования, при которых будто бы возможно нарушение ее:

«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Левит, 19, 17—18). А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами отца вашего небесного, ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, в чем тут заслуга? Не то же ли делают и мытари? Если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного во делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный» (Мф. V, 43—46),

Вот это-то признание закона любви высшим законом жизни человеческой и ясно выраженное руководство поведения, вытекающее из христианского учения о любви, одинаковой к врагам, к людям ненавидящим, обижающим, проклинающим нас, и составляют ту особенность учения Христа, которая, давая учению о любви и вытекающему из него руководству точное, определенное значение, неизбежно влечет за собой полное изменение установившегося устройства жизни не только христианских, но и всех народов мира.

В этом главное отличие от прежних учений и главное значение христианского учения в его истинном смысле; в этом шаг вперед в сознании человечества, который сделан был христианским учением. Шаг этот в том, что все прежние религиозные и нравственные учения о любви, признавая, как это и не могло быть иначе, благодетельность любви для жизни человечества, вместе с тем допускали возможность таких условий, при которых исполнение закона любви становилось необязательным, могло быть обойдено. А как только закон любви переставал быть высшим, неизменным законом жизни людей, так уничтожалась вся благодетельность закона, и учение о любви сводилось к ни к чему не обязывающим красноречивым поучениям и словам, оставлявшим весь склад жизни народов таким же, каким он был и до учения о любви, то есть основанным на одном насилии. Христианское же учение в его истинном смысле, признавая закон любви высшим и приложение его к жизни не подлежащим никаким исключениям, уничтожало этим признанием всякое насилие, а следовательно, не могло не отрицать всё основанное на насилии устройство мира.

Вот это-то главное значение учения и было скрыто от людей лжехристианством, признавшим учение о любви не высшим законом жизни человеческой, а так же, как и дохристианские учения, лишь одним из правил поведения, которое полезно соблюдать, когда ничто не препятствует этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.